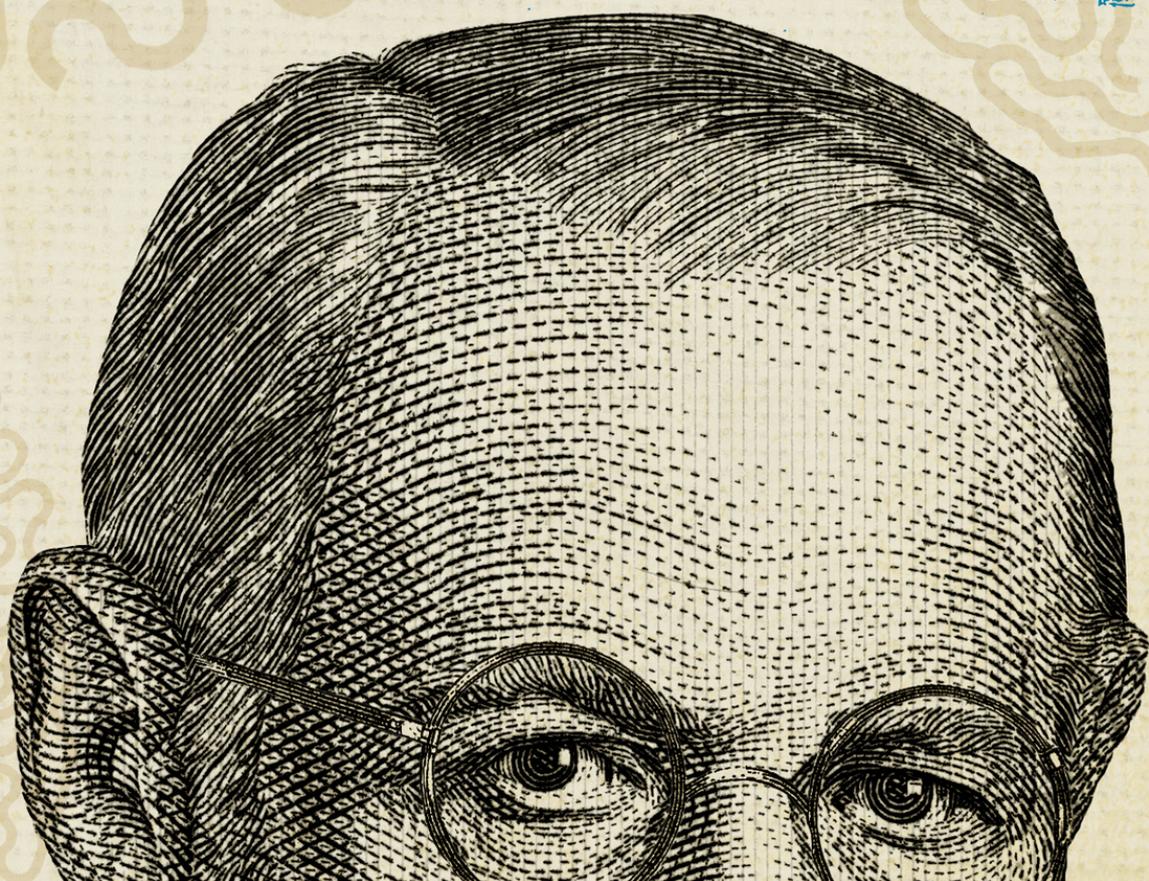

ИГНАТИЙ
ЖУРАВЛЁВ

ВЗЛАМЫВАЮЩАЯ
ПСИХОЛОГИЮ

Взламывая науку

Игнатий Журавлев

Взламывая психологию

«Издательство АСТ»

2019

УДК 159.9
ББК 88

Журавлев И. В.

Взламывающая психологию / И. В. Журавлев — «Издательство АСТ»,
2019 — (Взламывающая науку)

ISBN 978-5-17-117118-6

Психология – обширная область знаний, с которой, казалось бы, мы хорошо знакомы. Но насколько наши представления соответствуют научным? Эта книга поможет разобраться с тем, что происходит в головах людей. Она познакомит с историей, базовыми концепциями и теориями, объяснит работу и поломки психики, расскажет про практическую психологию и патологии характера, истолкует основные термины. Возможно, теоретические знания и описанный практический опыт помогут вам лучше узнать себя и понять окружающих. Игнатий Владимирович Журавлёв – кандидат психологических наук, врач-психотерапевт, старший научный сотрудник Отдела психолингвистики Института языкознания РАН, доцент МГПУ.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-17-117118-6

© Журавлев И. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

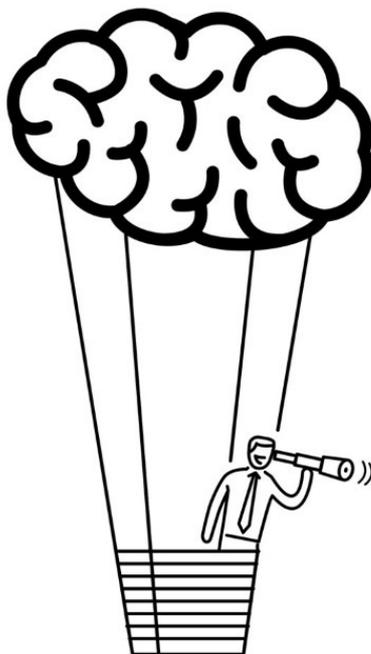
Предисловие	5
Раздел 1	8
Аристотель: учение об энтелехии	8
Злой демон или злой мозг?	10
Психофизическая проблема	14
Синтетическое единство апперцепции	18
Создатель первой психологической лаборатории	20
Интенциональность сознания	23
Постгипнотическое внушение	25
«Дрессированные истерички» доктора Шарко	27
Рождение психоанализа	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Игнатий Журавлёв

Взламывая психологию

Предисловие

Психология – обширная область знаний, которая многим кажется простой и доступной. Каждый из нас обладает какими-то знаниями о психике и поведении людей, почерпнутыми из повседневной жизни. Парадокс заключается в том, что такие знания во многих случаях почти или практически полностью не соответствуют представлениям психологии как науки. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: научному взгляду противоречат житейские представления людей об очень многих вещах (история с вращением Земли вокруг Солнца – самый яркий тому пример). Но если азами физики или биологии мы хоть как-то овладеваем в школе, то в области психологии чаще всего мы не обладаем даже минимальными научными познаниями.

Наш наивный взгляд утверждает нас в непосредственном характере простейшего акта восприятия – а психология говорит, что любой такой акт опосредуется внутренними ментальными структурами. Мы думаем, что все люди, посмотрев, к примеру, на чашку, увидят одно и то же – а наука утверждает, что представители разных культур и социальных групп воспринимают объекты по-разному. Мы полагаем, что речь нужна человеку, чтобы выразить свои мысли – а психология говорит, что речь выполняет функцию управления внутренними процессами и опосредует их. Мы (о детская наивность!) считаем, что только сам человек лучше всех знает, что творится у него в голове – но психология учит, что человек сам себя обычно не понимает, будучи способным отдавать себе отчет лишь в небольшой части происходящих в его психике процессов.

Есть ряд проблем, которые называются психологическими, и есть люди (как теоретики, так и практики), которые решают эти проблемы и именуется психологами. Теорий в современной психологии много, и часто они противоречат друг другу (это нормально: так обстоят дела

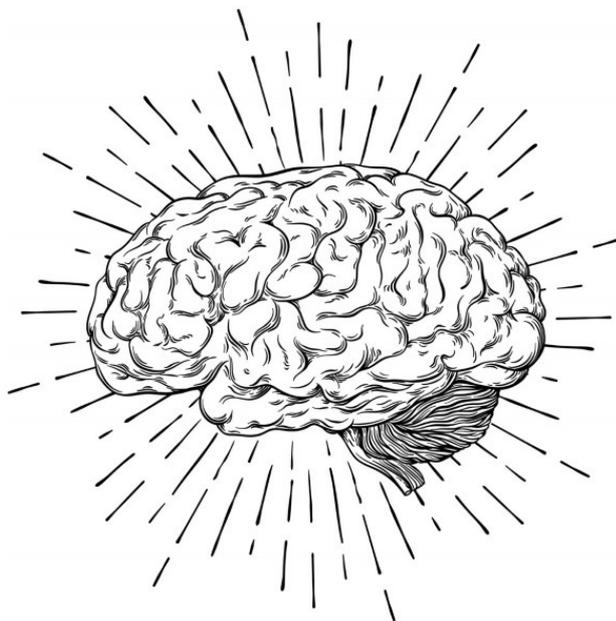
и в современной физике). Но любая хорошая психологическая теория должна быть способной ответить на следующие фундаментальные вопросы:

- Что такое психика и каково ее происхождение?
- Чем психика человека отличается от психики животных?
- Как развивается психика в филогенезе и онтогенезе?
- Как «устроена» психика, каковы ее «механизмы»?
- Как «ломается» психика?

• Какова связь психики с деятельностью мозга, с одной стороны, и культурной средой человека, с другой?

Психология занимается и более частными проблемами. Как соотносятся сознание и бессознательное? Как связаны психика и телесные процессы? Почему разные люди в одинаковых ситуациях ведут себя по-разному? В какой мере человек способен управлять собственным поведением? А как насчет управления своими эмоциями? Каковы возможности влияния одного человека на другого? А как влияет на нас наше социальное окружение? Почему некоторые люди вновь и вновь сталкиваются с какой-то жизненной проблемой, хотя всячески стремятся этого избежать?

Книга, которую вы держите в руках, содержит краткие ответы на эти и подобные им вопросы – как общие, так и более частные. Принципиальная ее особенность заключается в сочетании научного, академического подхода к основным проблемам психологии и доступного, легкого их изложения. Чтобы «взломать» психологию, недостаточно подойти к ней только лишь с теоретическим «ключом»: нужно представить ее не только как научную теоретическую деятельность, но и как знание, погруженное в жизнь. Отсюда большое внимание, уделенное в книге вопросам практической работы психолога и конкретным психологическим проблемам, с которыми может столкнуться каждый человек.

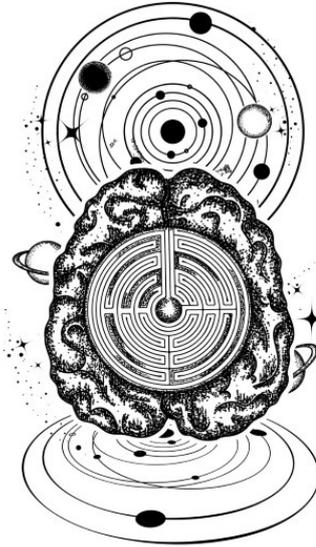

Однако эта книга – не просто набор интересных сведений о психологии. Каждая мысль, каждая идея преподносится здесь с позиций научной школы, которую представляет автор. Это школа, основанная на работах выдающегося советского психолога Л. С. Выготского и его последователей, – школа культурно-исторической психологии и психологии деятельности. И хотя попытку «взлома» психологии читатель может начинать с любого из небольших рассказов, составляющих книгу, все эти рассказы связаны между собой и единым «сюжетом», и еди-

ной концепцией. Как в одном слове отражается сознание в целом, так и практически в каждой из рассмотренных тем отражаются фундаментальные принципы научной школы Л. С. Выготского. Это не значит, что другим научным школам и концепциям здесь не уделяется внимание. Мы будем говорить и о психоанализе, и о бихевиоризме, и о когнитивной традиции в психологии и психотерапии. Мы рассмотрим разные модели «работы» психики и ее «поломок», поговорим об интересных психологических экспериментах, рассмотрим феноменологию характера и его нарушений, привлекая не только данные общей психологии, но и факты клиники. Но мы ведь не просто должны «взломать» вместе с читателем какие-то отдельные «комнаты» психологии, в которых «хранятся» те или иные факты. В идеале у читателя должен сформироваться инструмент для понимания, который позволит ему овладевать и теми знаниями, которые в этой книге не представлены. Это значит, что читатель хотя бы на интуитивном уровне должен будет усвоить базовые принципы общепсихологической теории. Хотя основных теорий в психологии существует несколько, мы предлагаем ему ту, которая обладает сейчас наибольшим объяснительным потенциалом: она «работает» на материале психологии развития, социальной психологии, патопсихологии, нейропсихологии, позволяя не только описывать и объяснять изучаемые явления, но и предсказывать их. На страницах этой книги читатель не раз найдет этому подтверждение.

Раздел 1 Из истории психологии

Аристотель: учение об энтелехии

Древнегреческий философ Аристотель (384–322 до н. э.) может по праву считаться отцом психологии. Аристотель описывал процессы познания (ощущение, память, воображение, мышление), эмоции (аффекты), волю, а также характер человека. Но главной для психологии является его трактовка души как энтелехии тела. Здесь Аристотель вступал в спор со своим учителем Платоном, считавшим, что обремененность телом мешает душе лицезреть мир бессмертных идеальных сущностей.

К учению Аристотеля об энтелехии восходит ряд современных психологических теорий, рассматривающих психику как процесс. На работы Аристотеля опирался основатель функционального направления в современной психологии Франц Brentano.

Душа и тело, по Аристотелю, соотносятся как форма и материя. Рассмотрим кирпичный дом. Его материей являются кирпичи, а формой – то, как они собраны вместе в соответствии с предназначением дома: в доме можно жить, укрыться от жары и дождя. Именно особая форма делает совокупность кирпичей домом. Значит, форма – это не просто геометрические очертания предмета, а его сущность и предназначение.

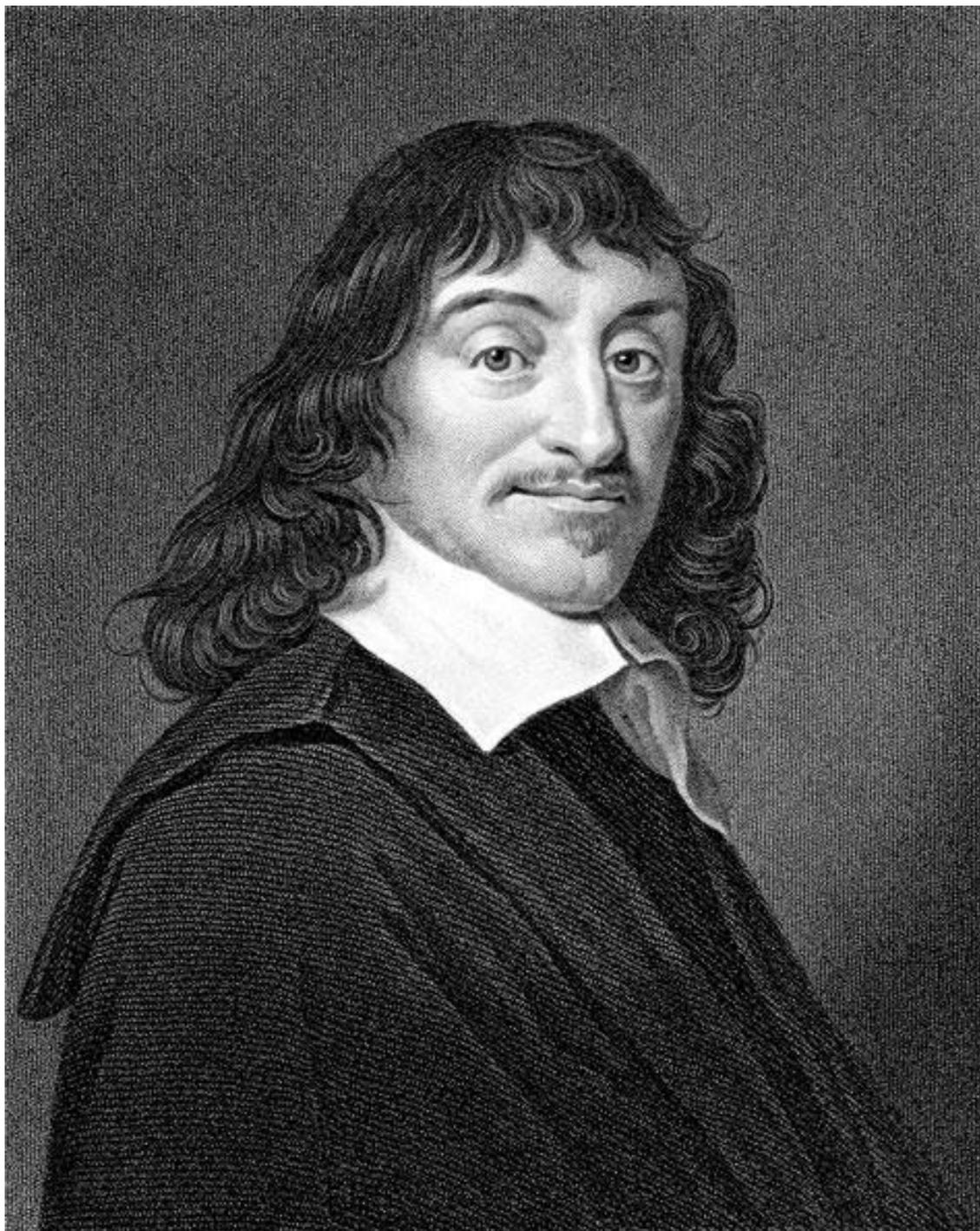
Одна из заслуг Аристотеля – исследование памяти. Он продемонстрировал связь процессов памяти с повторением, сильными эмоциями, а также ассоциациями по сходству, противоположности (контрасту) или близости (смежности).

Формой живого тела является душа. Если бы глаз был живым существом, то его душой было бы зрение. Душа делает тело живым, она является причиной и целью всех его действий. Для Аристотеля материя представляет собой лишь возможность чего-то (например, жизни). Форма – это уже полная действительность, осуществленная цель, т. е. *энтелехия*. В этом смысле душа – это энтелехия тела, его активность, реализация его предназначения.

В отличие от Платона, Аристотель не считал душу некоей нематериальной (бестелесной) сущностью. Его понимание души (психики) скорее функционально. Соответственно, познание – это не «припоминание» того, что душа «знала» до рождения (как у Платона). Это процесс, восходящий от ощущений через память и воображение к обобщенным идеям. Фактически Аристотель стал родоначальником учения о способностях, в том числе – когнитивной способности, благодаря которой человек приобретает знания о мире.

Злой демон или злой мозг?

Одним из главных споров среди философов эпохи Просвещения был спор об источниках человеческого познания. Эмпиристы (от греч. **εμπειρία** — опыт) утверждали, что единственным источником познания является опыт. Всю сложную картину психической жизни приходилось выводить из элементарных источников познания – ощущений. «Нет ничего в интеллекте, чего не было бы раньше в чувствах», – говорил знаменитый философ Джон Локк. Представители рационализма (от лат. *ratio* – разум), такие как Декарт и Лейбниц, считали, что есть знание, которое невозможно получить из ощущений. Например, знание о сумме углов треугольника нельзя получить опытным путем: в реальном мире мы никогда не видели даже идеальной прямой линии, не говоря уже о треугольнике. Знание, не получаемое из ощущений, рационалистам приходилось считать врожденным.

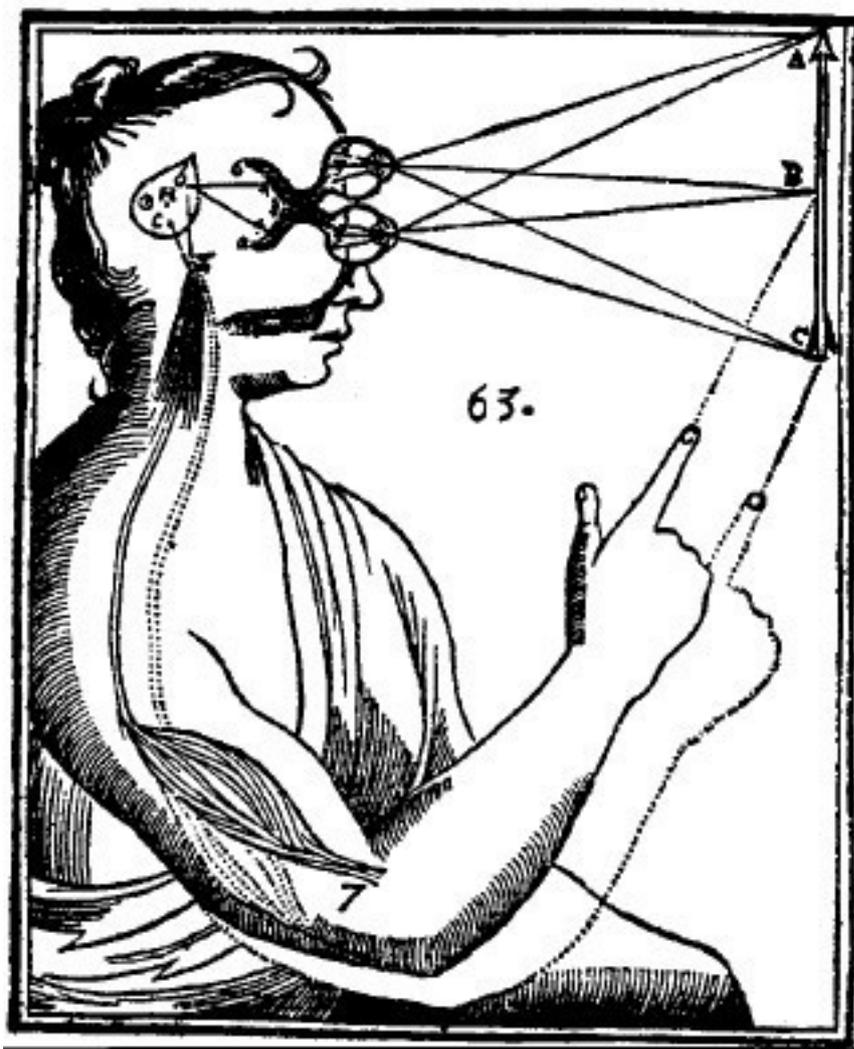
Французский философ Рене Декарт.

Отголоски этого спора сохраняются в современной когнитивной психологии, считающей, что наше знание не является чистым отображением реальности: помимо входящей информации, должна существовать еще и внутренняя структура разума, преломляющая и перерабатывающая ее. Эту внутреннюю структуру ученые-когнитивисты соотносят с нейронными сетями в мозге. Но где гарантия, что мозг рисует нам правильную картину действительности? Мы вполне могли бы находиться в матрице, как, например, в своеобразной «матрице» находятся психически больные люди, убежденные в реальности своих галлюцинаций.

Вопрос о матрице невозможно решить, просто примилив позиции эмпиризма и рационализма. Согласно теории интериоризации Л. С. Выготского, источником познания не являются ни ощущения, ни врожденные идеи или структуры индивидуального мозга: познание является социальным процессом.

Любопытно, что эту проблему сформулировал еще Рене Декарт (1596–1650). По Декарту, мы можем усомниться абсолютно во всем, даже в существовании собственного тела. Вдруг существует некий демон или бог-обманщик, вкладывающий нам в голову представления о мире? Единственное, в чем нельзя сомневаться, – это сам акт сомнения, т. е. некий мыслительный процесс. Отсюда формула Декарта *Cogito ergo sum* («Мыслю, следовательно, существую»).

Врожденные или внутренние структуры, преломляющие восприятие реальности, могли сформироваться только в ходе исторического развития, субъектом которого является не индивид, а социум.

Психофизическая проблема

Как доказать, что психика существует? Хотя вопрос кажется странным, современная наука не в силах дать на него окончательный ответ. Объекты и явления в физическом мире можно хотя бы измерить и оценить при помощи приборов. Например, можно взвесить яблоко. Но как измерить мысль? Когда человек представляет одно яблоко, а потом, к примеру, тысячу яблок, его голова не становится ни на грамм тяжелее.

Откуда вы можете знать, что люди вокруг вас обладают сознанием?

Современная наука позволяет регистрировать активность различных зон мозга и даже отдельных нейронов в то время, пока человек выполняет различные мыслительные задачи. Но мысль не тождественна мозговой активности, как, например, содержание фильма не тождественно физическим процессам, происходящим в телевизоре. Мозговые процессы, как и любые физические процессы, можно наблюдать со стороны. Мысль субъективна, ее можно продумывать только самому. Со стороны она не наблюдаема, о ней мы можем судить только по косвенным признакам (активность мозга, поведение человека).

Рене Декарт сформулировал психофизическую проблему: как соотносятся и взаимодействуют между собой физический мир и психические явления?

В классической философии с этой характеристикой мысли связана *проблема чужого сознания*, а в современной философии – *проблема зомби*. Представьте, что люди вокруг вас – это андройды, искусно изображающие поведение человека, но не обладающие сознанием. Можно ли это опровергнуть? Проблема в том, что каждый может знать наверняка лишь о своем собственном сознании, но не о сознании других.

Г. В. Лейбниц демонстрировал психофизическую проблему при помощи метафоры мельницы: если мозг увеличить до размеров мельницы, то, «войдя» в него, мы не обнаружим ничего кроме физических объектов, взаимодействующих друг с другом. Знаменитый физиолог Э. Г.

Дьюбуа-Реймон отнес психофизическую проблему к «мировым загадкам», которые человечеству никогда не дано решить.

Психофизическую проблему сформулировал знаменитый философ Рене Декарт (1596–1650). С одной стороны, существует *физический мир*, в котором действуют физические законы. Ключевая его характеристика – пространственная протяженность. Физическое явление может быть вызвано только другим физическим явлением. С другой стороны, существуют *психические (сознательные) явления*, которые не обладают пространственной протяженностью (мысль не измеришь линейкой) и подчиняются своим особым законам – таким, как закон ассоциации. Как же непротяженная мысль может подействовать на события в физическом мире? И наоборот – как явления в физическом мире становятся доступными сознанию? Мы можем, например, описать процесс восприятия яблока физически. Начав с преломления света сетчаткой глаза, мы дойдем до активации определенных нейронов затылочной доли мозга. Но когда и как в этот процесс «вклинивается» осознание яблока, его *субъективный сознательный образ*?

По мнению некоторых ученых, психофизическую проблему нельзя решить потому, что она неверно сформулирована. Если мы изначально признаем несводимость психологических законов к физическим и наоборот, то, двигаясь из области психики, мы никогда не достигнем физических процессов, а описывая физический мир, никогда не придем к психическим явлениям.

Различные философские и психологические школы решают психофизическую проблему по-разному. Можно признать, что психические и физические процессы параллельны друг другу, и даже пытаться описывать их взаимодействие. Этот подход прослеживается в современной когнитивной науке. Можно сказать, что психика не существует в принципе либо не существенна как объект научного анализа. Это путь физикализма и позитивизма, представленный в психологии такими направлениями, как бихевиоризм, реактология, рефлексология, «объективная психология». Можно, наоборот, утверждать, что физический мир – это содержание сознания, и даже если он объективно существует, то дан он человеку исключительно в виде феноменов сознания. К такому решению тяготеют психология интенциональных актов Ф. Brentano, гештальтпсихология, экзистенциально-гуманистические направления в психологии.

Немецкий философ Г. В. Лейбниц.

Иной подход к психофизической проблеме предложен в отечественной психологии (теория Л. С. Выготского, общепсихологическая теория деятельности), восходящей к философским школам Аристотеля, Б. Спинозы, Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса. Оппозиция психического и физического диалектически «снимается» как противоположность формы и содержания, конкретизируемая в психологии в виде противопоставления *образа и процесса*.

Синтетическое единство апперцепции

Знаменитый немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804) считал, что психология никогда не станет настоящей наукой, поскольку она описывает лишь субъективный опыт и не имеет строгой логической и математической основы. Действительно, в эпоху Канта психология как наука еще не существовала. Лишь к концу XIX века она стала оформляться как самостоятельная отрасль научного знания, способная выявлять и описывать не только субъективный мир человека, но и объективные закономерности его формирования и функционирования.

Немецкий философ Иммануил Кант считал, что психология не станет настоящей наукой, потому что ей не хватает логической и математической основы, однако именно его идеи лежат в основе современных теорий сознания и идентичности.

Парадоксально, что рождению психологии как науки во многом способствовала как раз философия Канта. Голос кенигсбергского философа слышится в современных разработках в области психологии восприятия, воображения, мышления и памяти. Идея *синтетического единства апперцепции*, сформулированная Кантом, лежит в основе современных теорий сознания и идентичности. В чем состоит эта идея?

Интеграция опыта – необходимое условие нашей психической деятельности. Мы не только остаемся самими собой в течение жизни, но «приплюсовываем» себя к себе в самых простейших психических актах. Даже представление или восприятие обычной точки или треугольника требует синтетической деятельности сознания. Этот синтез осуществляется во времени. Поэтому Кант называл время формой внутреннего чувства.

Попробуйте досчитать от одного до десяти. Почему, произнеся «пять», вы потом произнесли «шесть»? Называя какой-то элемент из представляемого числового ряда, мы должны помнить, какой элемент мы назвали только что. Если бы, произнеся «пять», мы тут же забыли, какой элемент назвали, мы не смогли бы произнести и «шесть». Однако нам необходимо держать в голове не только предыдущий элемент из представляемого ряда, но еще и правило перехода от одного элемента к другому! Вдруг нам нужно называть только нечетные числа? Или считать через три? Но и это еще не все. И представляемые элементы, и правило их связи друг с другом мы должны соотносить с собственным Я. Тот, кто произнес «пять», должен произнести и «шесть». Вам кажется странным и избыточным это требование? Разнообразные случаи нарушений идентичности демонстрируют, что человек отнюдь не всегда способен интегрировать собственный опыт, связать воедино свои переживания, оставаться самим собой в разные моменты времени или в разных ситуациях.

Создатель первой психологической лаборатории

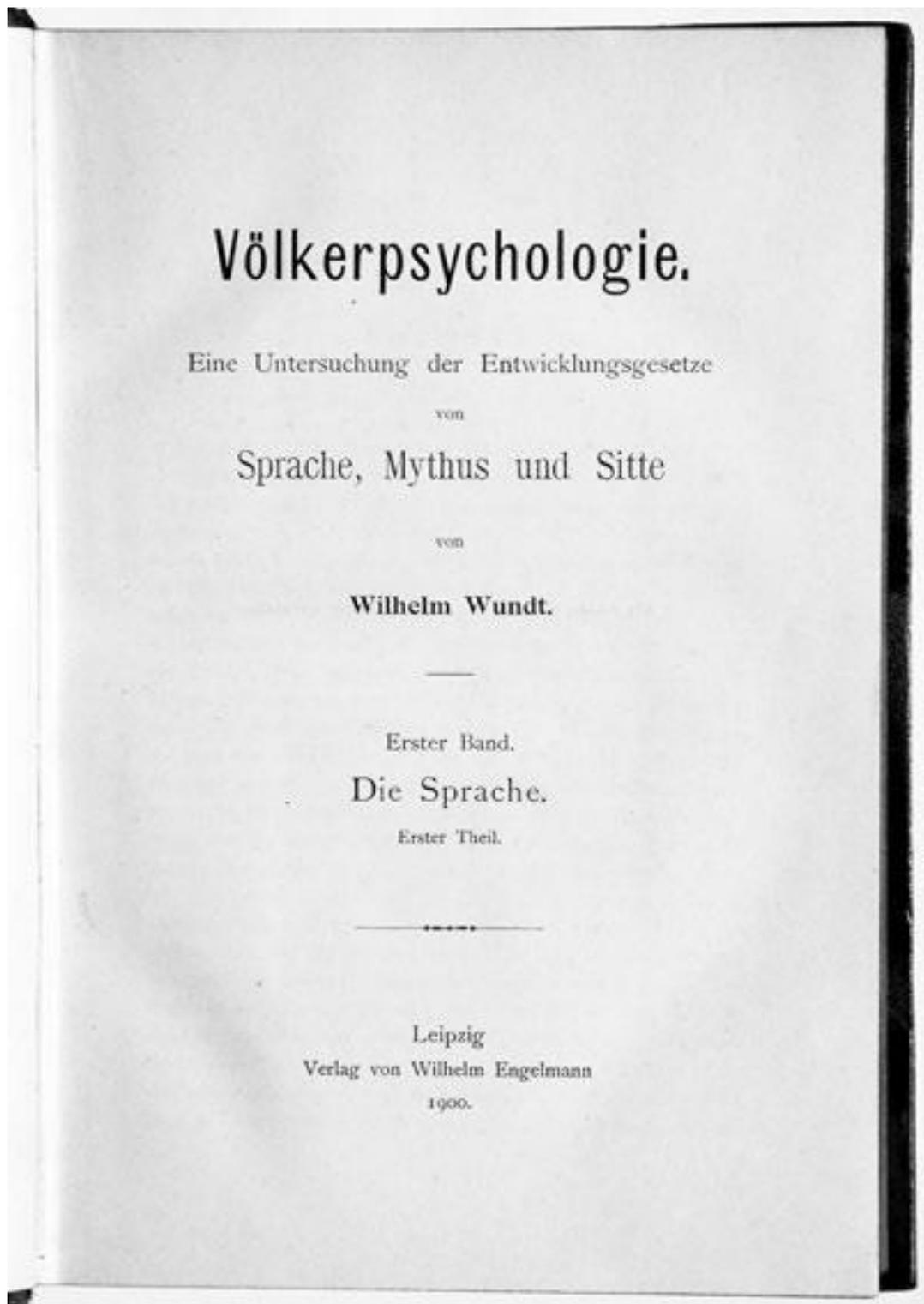
В декабре 1879 года в Лейпцигском университете профессор Вильгельм Вундт (1832–1920) создал первую в мире научную психологическую лабораторию, которая вскоре получила статус университетского Психологического института. Большинство психологов сходятся в том, что именно тогда психология стала полноценной наукой.

Немецкий физиолог, психолог и философ Вильгельм Вундт был одним из последних универсальных ученых в истории. Его перу принадлежат работы по физиологии, психологии, различным областям философии (в том числе «Система философии»), 10-томная «Психология народов», исследования по филологии и логике.

Вундт показал, что психические процессы можно изучать путем эксперимента. Например, чтобы оценить «длительность апперцепции», надо провести серию опытов, в которых испытуемый будет нажимать на рычаг после того, как услышит звук падения шарика на подставку. Время между стимулом (падением шарика) и реакцией испытуемого регистрируется при помощи хроноскопа. Исследователь может менять обстоятельства проведения опыта, вводить новые переменные, но самое главное – он получает результат, который можно воспроизвести и оценить в любой другой лаборатории.

В общей сложности наследие Вундта составляет примерно 54 000 печатных страниц. Вряд ли когда-либо существовал психолог, прочитавший все работы Вундта.

Главным источником экспериментальных данных являлась для Вундта жестко контролируемая *интроспекция* (самонаблюдение), т. е. отчеты испытуемых об их реакциях.

Стремясь приблизить психологию к естественным наукам, Вундт пытался представить психику в виде совокупности элементов (элементарных процессов и содержаний), соединяющихся друг с другом по определенным законам. Эти представления Вундта положили начало структурному направлению в психологии. Однако так можно изучать только ощущения, чув-

ства и простейшие ассоциации. Именно они, по Вундту, являются предметом экспериментальной психологии. Высшие же психические явления (мышление, память, сознание) изучаются путем анализа языка, мифов и обычаев и составляют предмет «психологии народов». Так психология у Вундта распалась на две: индивидуальную экспериментальную психологию, относимую к естественным наукам, и психологию народов, относимую к наукам о духе.

Интенциональность сознания

Если Вундт стремился описать элементарные психические явления и найти законы их сочетаний (структурализм), то его оппонент Франц Brentano (1838–1917) видел задачу психологии в описании *психических актов*. Например, если я воспринимаю или представляю стакан, то образ стакана является содержанием моего сознания. Однако подлинная психическая реальность заключена не в этом содержании, а в самом акте восприятия или представления.

Идеи Франца Brentano легли в основу функционального направления в психологии и оказали мощное влияние на последующее развитие гуманитарной мысли (феноменология Э. Гуссерля, психоанализ, аналитическая философия и др.).

Так возникает четкий критерий отличия психических феноменов от физических. Воспринимаемый стакан является физическим феноменом, а акт восприятия – психическим. Принципиальной характеристикой психических феноменов Brentano называет *интенциональность*, т. е. направленность на какой-то объект (термин «интенциональность» был заимствован им из трудов средневековых философов). Сознание – это всегда сознание чего-то, мышление – это всегда мышление о чем-то. Физические объекты интенциональностью не обладают (камень не может быть «о другом камне»), в то время как психические феномены не могут ею не обладать.

Понятие интенциональности является краеугольным камнем в современной философии сознания. К идее интенциональности сознания восходят представления о ценности и смысле жизни, развиваемые в экзистенциально-гуманистической психотерапии.

По способу отношения к предмету Brentano различал три вида психических актов: представления, суждения и чувства. В представлении предмет предстает перед сознанием, в суждении он понимается как истинный или ложный, в актах чувства – как «плохой» или «хороший».

Brentano предлагал различать «генетическую» и «дескриптивную» психологию: первая изучает психические феномены с позиции третьего лица (сейчас это направление называется *гетерофеноменологией*), а вторая – с позиции первого лица, путем самонаблюдения (интроспекции). Любопытно, что каждый из этих подходов, взятый в отдельности, сталкивается с методологическими ограничениями: метод интроспекции можно критиковать за необъективность, а гетерофеноменологию – за описание феноменов, к которым нет непосредственного доступа.

Постгипнотическое внушение

Франция, город Нанси, конец XIX века. Ясный солнечный день. Ровно в полдень на городскую площадь выходит человек и раскрывает над собой зонт.

Совершивший этот странный поступок человек был одним из пациентов профессора Ипполита Бернгейма (1840–1919) – знаменитого основателя Нансийской психоневрологической школы, который демонстрировал на подобных примерах феномен постгипнотического внушения. Парадокс этого феномена заключается в следующем: хотя человек не помнит инструкцию, данную ему ранее в гипнозе, он все равно ее выполняет.

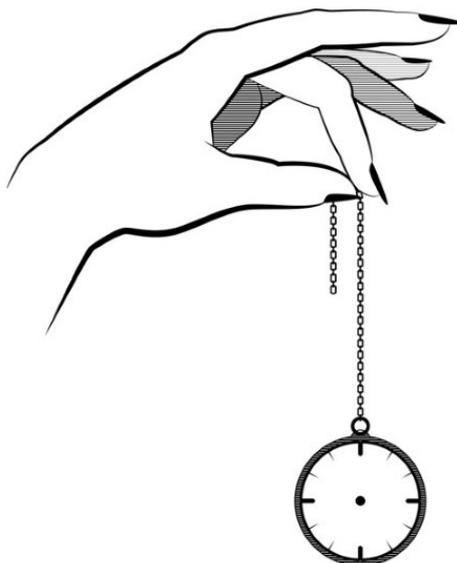
Ипполит Бернгейм полагал, что поведение, которое человек демонстрирует во время гипноза, является результатом внушения. Его оппонент Жан-Мартен Шарко считал гипноз патологическим состоянием сознания сродни феномену истерии. Современная точка зрения ближе к позиции Бернгейма, хотя в эриксоновской гипнотерапии симптом считается состоянием, подобным трансу.

Бернгейм, как и его старший коллега Огюст Льебо (1823–1904), первоначально применял постгипнотическое внушение для лечения неврологических заболеваний (можно ввести человека в гипноз и внушить ему, что у него исчезнут те или иные симптомы). Однако наиболее интересным для Бернгейма стал сам механизм гипноза. Он внушал испытуемым галлюцинации, параличи, покраснение кожи, автоматические действия, а также забывание различных событий и фактов, в том числе забывание инструкции, которую в определенных обстоятельствах испытуемый должен выполнить.

Получалось, что психика человека «помнит» инструкцию, хотя сам он не отдает себе в этом отчета.

Согласно Бернгейму, люди различаются по степени внушаемости. Проблеме внушаемости впоследствии было посвящено огромное число исследований. Оказалось, что даже низкая внушаемость не оказывает существенного влияния на эффективность гипнотерапевтического воздействия.

Основатель психоанализа Зигмунд Фрейд посетил Нанси в 1889 году и пришел в восторг от опытов Бернгейма. В одном из опытов испытуемый раскрывал зонт в комнате. Внимание Фрейда привлекло не столько выполнение человеком инструкции, которую он не помнит, сколько то, как человек объясняет свое поведение. Испытуемый мог сказать: «Мне показалось, что начинается дождь, и я решил проверить, не сломан ли зонт». Иначе говоря, испытуемый всегда находил рациональное объяснение своему поступку. Это натолкнуло Фрейда на мысль о том, что истинные мотивы нашего поведения и причины наших поступков могут быть скрыты от нашего сознания.

«Дрессированные истерички» доктора Шарко

Во второй половине XIX века в европейской медицине разразился настоящий скандал. В клиниках все чаще встречались пациентки с симптомами той или иной болезни, но без какой-либо патологии, выявляемой при медицинском обследовании. Например, пациентка не может ходить, у нее парализованы ноги, однако неврологическое обследование показывает, что она абсолютно здорова. Подобных пациенток и называли истеричками.

Истерия стала камнем преткновения для психологов и психиатров именно потому, что она демонстрирует возможность самообмана. Существование истерии является убедительным доказательством непрозрачности сознания для самого себя.

Но является ли истерия болезнью? Медицинское сообщество расколосось на два лагеря. Одни считали истеричек симулянтками. Другие полагали, что истерия – это все-таки болезнь, хотя и затруднялись описать ее природу. Ярким представителем первого лагеря был знаменитый венский профессор-невролог Теодор Мейнерт (1833–1892), ходивший с красивой тростью и утверждавший, что... *все врут* (истерички – симулянтки, их симптомы – это обман). Не менее ярким оппонентом его был французский психиатр и невролог, профессор Жан-Мартен Шарко (1825–1893).

Французский психиатр и невролог, профессор Жан-Мартен Шарко.

Шарко считал истерию самостоятельной болезнью, причем именно он доказал, что болеют ей не только женщины, но и мужчины. Он полагал, что у истериков особо чувствительная периферическая нервная система, что предрасполагает их к измененным состояниям сознания и делает подверженными гипнозу. На своих лекциях и публичных выступлениях Шарко демонстрировал пациенток с истерией, которым внушал в гипнозе всевозможные симптомы и гипнотические феномены (паралич одной или другой руки, галлюцинации, каталептический мост и т. д.). Во французских газетах того времени часто можно было встретить анонсы выступлений профессора Шарко с его «дрессированными истеричками».

Для самих больных истерией их симптомы не являются обманом. Скорее, при истерии сам организм (или психика) обманывает себя. К такому выводу пришел Фрейд, положивший в основу своего учения анализ случаев истерии.

Создатель психоанализа Зигмунд Фрейд не только успел поработать под руководством Мейнерта, но и съездил на стажировку к Шарко. Как Фрейд

вспоминал впоследствии, ни один человек не оказал на него такого большого влияния, как Шарко.

Рождение психоанализа

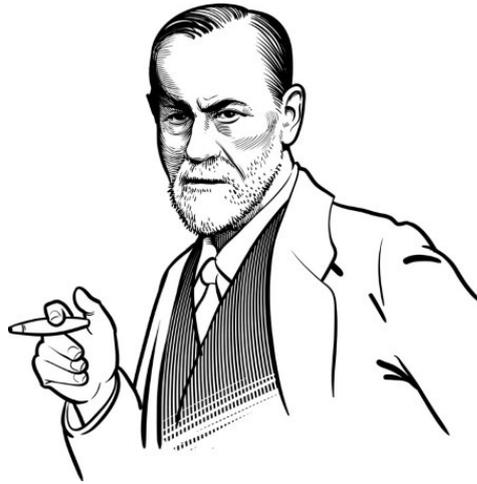
Хотя Фрейд не был первым, кто открыл бессознательное, именно он сделал бессознательные механизмы психики главным предметом своих исследований.

Зигмунд Фрейд (1856–1939) начинал свою карьеру как обычный венский врач-невролог, не имеющий средств на женитьбу и содержание семьи. Однако из его писем невесте мы узнаем, что Фрейд с самого начала был уверен в своем предназначении: «Я отправлюсь в Париж, стану великим ученым и вернусь в Вену с большим, просто огромным ореолом над головой, мы тотчас же поженимся, и я вылечу всех неизлечимых нервнобольных».

С точки зрения психоанализа, ни самонаблюдение, ни лабораторный эксперимент не могут раскрыть всю полноту психической жизни человека. Существует бессознательная психика, для доступа к которой требуется особая техника анализа.

На развитие научных взглядов Фрейда и разработку им собственного метода психотерапии, именуемого психоанализом, повлияли главным образом Жан-Мартен Шарко, занимавшийся изучением *истерии*, Ипполит Бернгейм, проводивший опыты с *постгипнотическим внушением*, и Йозеф Брейер, применявший *катартический метод* для лечения неврозов. Шарко доказал, что истерические симптомы (например, слепота или паралич при отсутствии неврологической патологии) являются не симуляцией, а формой психического заболевания. Бернгейм демонстрировал, что психика может «помнить» то, что не помнит человек. Брейер практиковал метод «лечения разговором», явившийся прообразом метода свободных ассоциаций Фрейда.

Для описания процесса излечения от невротических симптомов в результате возвращения травматических переживаний на уровень сознания Фрейд использовал понятие «катарсис», которое заимствовал из античной эстетики (очищение души при восприятии трагедии).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.